

ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Зарубежная философия сегодня

СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ*

В. КАРРО

Феноменология во Франции или французская феноменология?

Возможно, вас удивит, что я намереваюсь рассказать о современной *французской* феноменологии, а не о феноменологии *во* Франции, в том смысле, в каком можно говорить, к примеру, о состоянии медиевистики или об основных чертах эпистемологических исследований во Франции. Рассказ о феноменологии *во Франции* предполагает подведение итогов того, что было сделано в области переводов и исследований по истории феноменологии за последние 20 лет. Результат получился бы очень контрастным, по крайней мере, если вести речь о двух важнейших представителях феноменологии — Гуссерле¹ и Хайдеггере.

Если говорить о Гуссерле, за два последних десятилетия были подготовлены многочисленные переводы его работ, опубликованные главным образом в рамках трех серий: прежде всего в серии «Eriméthée» (издательство «Presses Universitaires de France»), которой руководит Жан-Люк Марион; затем, в меньшей мере, в серии «Krisis» (издатель — Жером Мийон), которую ведет Марк Ришир, и, наконец, в серии «Textes philosophiques» (издательство «Vrin»), публикуемой под руководством Жана-Франсуа Куртина. Именно в этих сериях увидели свет и большинство исследований о Гуссерле, из которых я назову только те, что показались мне наиболее значимыми. Прежде всего, это работа бывшего директора гуссерлевского архива в Лувене Рудольфа Бернета «Сознание и существование. Феноменологические перспективы»², затем фундаментальный труд Жана-Франсуа Лавиня «Гуссерль и рождение феноменологии (1900 — 1913)», а также работы

* Продолжаем публикацию статей, подготовленных на основе материалов Международной конференции «Французская философия в России: некоторые итоги и перспективы исследований». Конференция состоялась 14 – 15 сентября 2010 г. в Институте философии РАН и проходила в рамках Года Франция – Россия 2010 (см.: Философские науки. 2010. № 11 – 12; 2011. № 2).

Жака Англи «Об интенциональности и ее формах» и Эмманюэля Уссе «Назначение личности. История понятия личности от его появления у Августина до нового открытия в феноменологии». Последняя книга является продолжением труда Уссе «Личность и субъект у Гуссерля». Все эти книги вышли в издательстве PUF, в серии «*Epiméthée*»³. Я должен был бы назвать и другие работы, опубликованные в Гренобле у Жерома Мийона или в серии «Библиотека истории философии» в издательстве «Vrin». В основе большинства этих исследований лежат работы, выполненные в университетах. Их авторы нередко являлись сотрудниками гуссерлевского архива в Париже⁴ или в самом разном качестве участвовали в его работе. Но вряд ли мне стоит подробно об этом рассказывать: о состоянии исследований по истории феноменологии во Франции можно узнать из обзоров, публикуемых в специальных журналах, и из соответствующих бюллетеней⁵.

В случае с Хайдеггером ситуация совершенно иная в силу того, что мы бы назвали «удержанием» («*retention*») хайдеггеровских текстов издательством «Gallimard». Получив эксклюзивные права на перевод Полного собрания сочинений, оно чрезвычайно медленно и с большим опозданием выпускает переводы томов этого собрания, публикуемых издательством Клостермана регулярно и без перебоев. Хотя опубликованный в 1985 г. Эмманюэлем Мартино на собственные средства превосходный французский перевод книги «Бытие и Время» вызвал реакцию, живостью своей напоминавшую растрепанный муравейник, Франция все же очень отстает от Италии или Испании в издании как переводов сочинений Хайдеггера, так и исследований, посвященных его философии. Поэтому я упомяну здесь только два труда: «П у а»⁶ Клода Романо (2003) и «Хайдеггер и христианство. Безмолвное объяснение» Дидье Франка⁷, основателя журнала «*Philosophie*», в котором по-прежнему наибольшее место отводится феноменологии.

Озаглавив статью — «Современная французская феноменология» — я не собирался описывать состояние исследований по истории феноменологии во Франции, но исходил из того, что существует особая, специфически французская манера заниматься феноменологией. Говоря об этом, я не имею в виду *использование* ряда положений Гуссерля или Хайдеггера, характерное для так называемого экзистенциализма, и в частности — в военные и послевоенные годы⁸ — для концепции Сартра, которого называют «последним философом», констатируя тем самым, что за последние 60 лет никто так и не смог создать хотя бы проект труда, подобного «Бытию и ничто»⁹. Тем более я не намерен здесь напоминать о былых дебатах, развязанных структурализмом и получивших название «спор о гуманизме»¹⁰. Я попытаюсь охарактеризовать работы очень разные, но сходные в своей нацеленности на

переосмысление центральной идеи феноменологии — интенциональности. Насколько мне известно, такой подход, реализуемый, конечно, в разнообразных формах, характерен именно для французских авторов. В этом плане особенно важны два имени: Эмманюэль Левинас и Мишель Анри; разработанная этими философами проблематика по-прежнему имеет решающее значение. Именно поэтому я выбрал хронологическим отправным пунктом своего выступления даты их кончины. Левинас, чьим главным произведением была книга «Тотальность и бесконечное», умер в 1995 г.¹¹. Новая публикация собрания его сочинений, в которое войдут 7 томов, начата издателем Грассе и Институтом изучения современного издательского дела (Institut Mémoires de l'édition contemporaine — IMEC, Кан). Только что вышел первый том, включивший в себя «Записки военнопленного» и другие неопубликованные работы Левинаса¹². Мишель Анри умер в 2002 году; его творчество охватило 40 лет, от «Сущности манифестации» до книги «Воплощение. Философия плоти»¹³. Четыре сборника статей и других работ Анри были опубликованы в 2003 и 2004 гг. под общим названием «Феноменология жизни»¹⁴.

Вас, быть может, удивит, что я умалчиваю о творчестве умершего в 2004 г. Жака Деррида, который перевел «Происхождение геометрии», — ведь именно он, бесспорно, является самым знаменитым из современных французских философов, во всяком случае, он пользовался при жизни наибольшей известностью, хотя за рубежом его идеи находили отклик прежде всего в литературных кругах. Причина проста: с одной стороны, он меньше всего или наименее долго был формальным образом связан с гуссерлевской феноменологией. С другой стороны — и это главное — его влияние во Франции (назову здесь, среди прочих, Жана-Люка Нанси, Сару Кофман, Филиппа Лаку-Лабарта) обусловлено не феноменологией как таковой, но тем, что — верно или ошибочно — называют «школой деконструкции», из которой, по его мысли, нельзя исключать и феноменологию.

Пределы интенциональности как направленности на предмет

Как известно, по Гуссерлю, мыслить — значит мыслить *о* чем-то, поскольку сознание есть сознание *чего-то*, у всякого сознания имеется *предмет*. Понятие интенциональности обозначает эту априорную корреляцию между *cogito* и *cogitatum*, сознанием и его предметом, ту «соотнесенность-с-предметом», которая представляет собой сущность всякого феномена: итак, сознание интенционально¹⁵. Для Гуссерля главная задача феноменологии — прояснение этой интенциональности, являющейся направленностью на предмет — в том смысле слова «предмет», который остается в основном соответствующим кантовской философии представления. Предмет есть то, что дается в

пространстве и времени и мыслится в соответствии с потребностями познания: интенциональность как направленность на предмет необходима для конституирования строгой науки. Хайдеггер в работе «Бытие и Время» первым расширил поле интенциональности, выявив ту интенциональность, которая не является объективирующей, — интенциональность мира как горизонта всякого возможного предмета. Действительно, никакой предмет не мог бы быть дан в экстериорности, если сама она не открывается *как таковая*, т.е. как мир. Напротив, как раз такое выявление измерения мира делает возможной интенциональность того или иного предмета в мире.

Именно здесь Левинас в «Тотальности и бесконечном» предлагает — главным образом в противовес Хайдеггеру — радикальное нововведение: он утверждает, что интенциональность может быть нацелена не только на предметы, не только на мир как таковой, но и на *другого*. Но такая интенциональность приобретает строгий смысл только при условии изменения структуры интенциональности, которая должна сберечь в себе инаковость другого, не сводя его к предмету, т.е. к когнитивному или онтическому содержанию, присваиваемому сознанием. Это изменение заключается в «инверсии интенциональности», т.е. в выявлении того, что Левинас называет «встречным сознанием» (*une conscience à contre-courant*). Встречная интенциональность (*une contre-intentionnalité*) вменяется моему сознанию, встречному сознанию, нацеливаясь из внешней позиции (я) к центру, который конституируется уже не моим сознанием, но Другим, чье лицо внушает мне уважение — лицо, говорящее (мне): «Ты меня не убьешь!». Стало быть, из этой инверсии феноменальности проистекает, по Левинасу, не познание, но само этическое обязательство, которое, будучи этическим, не является ни объективирующим, ни теоретическим¹⁶. И поскольку оно первично, то на нем и основывается первая философия¹⁷.

Подход Мишеля Анри, реализованный вначале в «Сущности манифестации», а затем в «Генеалогии психоанализа» и «Материальной феноменологии»¹⁸, еще более радикален. Мишель Анри пытается мыслить феноменологическое сознание, производящее редукцию предметов мира к «региону сознания», вовсе не обращаясь к интенциональности, не признавая никакого *экстаза* мысли (выхода ее за собственные пределы). Парадоксальным образом он стремится исключить интенциональность, чтобы осуществить саму феноменологическую редукцию исходя из того, что он называет *самоаффицированием*. Это понятие восходит к аристотелевской теории осязания (осязание — единственное чувство, при котором орган составляет единое целое со средой и, ощущая что бы то ни было, ощущает сам себя) и к гуссерлевской теории плоти — только плоть

(Leib, отличаемая от Körper), которой я являюсь, ощущает тела, но она не может ощущать их иначе, нежели чувствуя себя ощущающей их¹⁹. Однако, заимствуя эти элементы, Мишель Анри превращает их не в свойства сознания, а в сознание как таковое, которое определяется как самосознание в процессе непосредственного переживания самоаффицирования Я. Это Я постигает само себя не через представление, не через рефлексивность, не через интенциональность, но через переживание жизни, жизни как первичного самоаффицирования — отсюда «феноменология жизни» Мишеля Анри.

Повторю: уникальная конститутивная форма гуссерлевской феноменологии — интенциональность как направленность на предмет — и хайдеггеровская интенциональность самого мира сменяется у Левинаса *встречной интенциональностью*, а у Мишеля Анри — даже попыткой создания неинтенциональной феноменологии.

Призыв и насыщенные феномены

Авторы новейших работ по феноменологии исходят — хотя и высказывая свои возражения — из двух этих образов сознания, представляющего уже не первичным и конституирующим, но вторичным и производным. Они подчиняют сознание более существенной структуре, получившей название чистой формы *призыва*. Самопробуждение (*éveil à soi*) берет начало не в сознании или Я, всегда уже данных, но в анонимном призыве — только он и является первичным. Самосознание всегда «запаздывает», и это запаздывание или вторичность по отношению к призыву конституирует его в качестве сознания.

Завершая, я упомяну двух философов, предложивших наиболее интересные трактовки данной темы. Жан-Луи Кретьен, автор целого ряда книг, исследует взаимодействие призыва и ответа, в том числе в своей работе «Ответ. Образы ответа и ответственности»²⁰ — уже одно это название говорит о метафизическом и этическом характере его рефлексии.

Жан-Люк Марион в работе «Будучи данным»²¹ более непосредственным образом исходит из того, что Левинас назвал «разрывом нозтико-нозматической корреляции», т.е. корреляции между явлением и являющимся («Erscheinen und Erscheinenden»). У Гуссерля высшей манифестацией феномена была точная адекватная явления и являющегося, т.е. абсолютное наполнение интенции²². На деле, нозтико-нозматическая корреляция остается *идеалом*, поскольку большинство феноменов суть феномены, «бедные» в интуитивном отношении²³. Действительно, в соответствии с общим характером феноменальности, интенциональная направленность достигает значений, которых не заполняет без остатка никакая интуиция (ноэзис всегда обладает большей «вместимостью», чем нозма). Левинас же,

напротив, исходя из декартовского анализа идеи бесконечного, которую я схватываю, но не могу понять, утверждал, что благодаря бесконечному *«ideatum»* выходит за границы идеи: скажем так, я мыслю нечто большее, чем полагаю²⁴. Итак, *бесконечная* нозма позволяет мне мыслить нечто большее, чем может воспринять моя нозтическая способность²⁵. Поэтому Жан-Люк Марион называет «насыщенным»²⁶ такой феномен, в котором интуиция превосходит понятие²⁷: в этом феномене данное выходит за границы не только того, что может постичь сознание, но и того, что может содержаться в мире, при его сущностной конечности²⁸. Иными словами, насыщенный феномен есть феномен, действительность которого предшествует его возможности: его действительность доказывает возможность того, что прежде считалось невозможным. Таким образом, по Мариону, в феноменологии возможность не выводится из заранее заданных условий, но констатируется исходя из данной действительности. Значит, речь идет уже не о том, чтобы «сделать возможным феномен, *a priori* ограничивая его невозможностями», а о том, чтобы «высвободить его возможность, разрушая все условия, предписанные феноменальности, а следовательно, устраняя все мнимые невозможности»²⁹. Такова ситуация, например, с историческим событием, иконой, произведением искусства, плотью, лицом другого или Откровением. В работе «Об избыточном»³⁰ Жан-Люк Марион продолжил анализ насыщенных феноменов, а затем посвятил одному из них, феномену любви, особенно смелую работу – «Феномен эротики»³¹.

Итак, новейшую французскую феноменологию можно охарактеризовать следующим образом: это феноменология без интенциональности как направленности на предмет; феноменология, в которой феноменальность феноменов превосходит понятие; наконец, неинтенциональная феноменология.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Для удобства я помещаю под этим эпонимом также Ойгена Финка и Эдит Штайн.

² Bernet R. Conscience et existence. Perspectives phénoménologiques. – Paris: PUF, 2004. Этот труд – продолжение работы «La vie du sujet. Recherches sur l'interprétation de Husserl dans la phénoménologie» (Paris: PUF, 1994).

³ Lavigne J.-F. Husserl et la naissance de la phénoménologie (1900 – 1913). – Paris: PUF, 2005; English J. Sur l'intentionnalité et ses modes. – Paris: PUF, 2006; Housset E. La vocation de la personne. L'histoire du concept de personne de sa naissance augustinienne à sa redécouverte phénoménologique. – Paris: PUF, 2007; Housset E. Personne et sujet selon Husserl. – Paris: PUF, 1997.

⁴ ENS Ulm, руководитель Жан-Франсуа Куртин (Jean-François Courtine).

⁵ Я упомяну здесь, поскольку не всем придет в голову искать их под этим названием, замечательные представления томов Полного собрания сочинений Хайдеггера, опубликованные Жаном Грейшем (Jean Greisch) в «Бюллетене герменевтической философии» (Bulletin de philosophie herméneutique). Издатель этого бюллетеня – «Revue des sciences philosophiques et théologiques».

⁶ Romano C. II y a. – Paris: PUF, 2003. Этому труду предшествовали работы: «L'événement et le monde» (Paris: PUF, 1998) и «L'événement et le temps» (Paris: PUF, 1999).

⁷ Franck D. Heidegger et le christianisme. L'explication silencieuse. – Paris: PUF, 2004. Предыдущие работы Д. Франка: «Chair et corps. Sur la phénoménologie de Husserl et Heidegger et le problème de l'espace» (Paris: Minuit, 1981 et 1986), а также «Dramatique des phénomènes» (Paris: PUF, 2001).

⁸ См.: Sartre J.-P. L'être et le néant. – Paris: Gallimard, 1943 ; Sartre J.-P. L'existentialisme est un humanisme. – Paris: Nagel, 1945.

⁹ См.: Renaut A. Sartre, le dernier philosophe. – Paris: Grasset, 1993.

¹⁰ Сартр выступал против Леви-Строса, Фуко против Сартра и т.д. (см.: Descombes V. Le même et l'autre. Quarante-cinq ans de philosophie française (1933 – 1978). – Paris: Minuit, 1979).

¹¹ См.: Lévinas E. Totalité et infini. – La Haye: Nijhoff, 1961; см. также: Lévinas E. Autrement qu'être ou au-delà de l'essence (La Haye: Nijhoff, 1974).

¹² Lévinas E. Carnets de captivité / éd. Rodolphe Calin et Catherine Chaliar. – Caen, 2009.

¹³ Henry M. L'essence de la manifestation. – Paris: PUF, 1963; Henry M. Incarnation. Une philosophie de la chair. – Paris: Seuil, 2000.

¹⁴ Henry M. Phénoménologie de la vie (I. De la phénoménologie; II. De la subjectivité; III. Sur l'art et le politique; IV. Sur l'éthique et la religion). – Paris: PUF, 2003 et 2004.

¹⁵ См., среди многих других работ: Husserl E. Deuxième méditation cartésienne. § 14 / Trans. franç. E. Lévinas. – Paris: Vrin, 1969. – P. 28; L'idée de la phénoménologie. IVe leçon / Trans. franç. A. Lowit. – Paris: PUF, 1970. – P. 55.

¹⁶ О концепции Левинаса см. также: Calin R. Levinas et l'exception du soi. – Paris: PUF, 2005.

¹⁷ См.: Lévinas E. L'éthique comme philosophie première. – Paris: Rivages, 1998.

¹⁸ См.: Henry M. L'essence de la manifestation. – Paris: PUF, 1985; Henry M. Généalogie de la psychanalyse. – Paris, 1990; Henry M. Phénoménologie matérielle. – Paris, 1990.

¹⁹ См.: Franck D. Chair et corps. Sur la phénoménologie de Husserl.

²⁰ См.: Chrétien J.-L. Répondre. Figures de la réponse et de la responsabilité. – Paris: PUF, 2007.

²¹ Marion J.-L. Etant donné. Essai d'une phénoménologie de la donation. – Paris: PUF, 1997; см. также: Marion J.-L. Réduction et donation. Recherches sur Husserl, Heidegger et la phénoménologie. – Paris: PUF, 1989.

²² См.: Husserl E. L'idée de la phénoménologie. Résumé // Hua II. 14 / Trans. franç. A. Lowit. – P. 116.

²³ См.: Гуссерль Э. Логические исследования. В частности, VI. § 37 – 39.

²⁴ См.: *Lévinas E. Métaphysique et transcendance. § 5 // Lévinas E. Totalité et infini.* – P. 19 – 21.

²⁵ См.: *Lévinas E. Sur l'idée de l'infini en nous // La passion de la raison. Hommage à Ferdinand Alquié / éd. par J.-L. Marion et J. Deprun.* – Paris: PUF, 1983. – P. 49 – 52; переиздано в: *Entre-nous. Ecrits sur le penser-à-l'autre.* – Paris: Grasset, 1991.

²⁶ См.: *Marion J.-L. Etant donné.* – P. 275 – 280.

²⁷ Жан-Люк Марион вводит четыре четких критерия для описания насыщенного феномена, который, выходя за рамки кантовских категорий, узнается по их инверсии: «Насыщенный феномен описывается как недосыгаемый по количеству, невыносимый по качеству, абсолютный по отношению, неусматриваемый по модальности. Три первых черты соотносятся с общим значением горизонта, последняя – с трансцендентальным значением Я» (*Etant donné.* – P. 280). Жан-Люк Марион понимает встречную интенциональность, которую, по Левинасу, реализует лицо другого, как исключительный случай насыщенного феномена, рассмотренного с точки зрения модальности.

²⁸ См. исследование Жана-Ива Лакоста об условиях опыта абсолютно: *Lacoste J.-Y. Expérience et absolu. Questions disputées sur l'humanité de l'homme.* – Paris: PUF, 1994; *Lacoste J.-Y. Le monde et l'absence d'œuvre.* – Paris: PUF, 2000.

²⁹ *Marion J.-L. Etant donné.* – P. 328.

³⁰ *Marion J.-L. De surcroît. Etudes sur les phénomènes saturés.* – Paris: PUF, 2001.

³¹ *Marion J.-L. Le phénomène d'érotique.* – Paris: Grasset, 2003.

Аннотация

Автор обосновывает идею о том, что главной особенностью современной французской феноменологии является переосмысление понятия интенциональности. Оно было начато в работах Э. Левинаса и М. Анри, продолжено Ж.-Л. Кретеном и Ж.-Л. Марионом и привело к попыткам создания неинтенциональной феноменологии. В статье кратко рассматриваются концепции упомянутых авторов.

Ключевые слова:

феноменология, интенциональность, феноменология жизни, неинтенциональная феноменология, Э. Левинас, М. Анри, Ж.-Л. Кретьен, Ж.-Л. Марион.

Summary

The author proves the idea that a characteristic feature of contemporary French phenomenology is redefining the concept of intentionality. It was initiated by E. Levinas and M. Henry, continued by J.-L. Cretien and J.-L. Marion and led to attempts to create non-intentional phenomenology. This paper offers an overview of the conceptions elaborated by the philosophers mentioned above.

Keywords:

phenomenology, intentionality, phenomenology of life, non-intentional phenomenology, E. Levinas, M. Henry, J.-L. Cretien, J.-L. Marion.

Перевод с французского И.И. Блауберг